

<Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД>

Л. Шестов. Шекспир и его критик Брандес

Эту книгу открывает направленный против датского критика эпитет из Ницше: «Ich hasse die lesenden Müssiggänger»¹. Известный труд Брандеса о гениальном драматурге, очевидно, послужил г. Шестову только внешним поводом для изложения своего общефилософского мирозерцания². Внимательным разбором главных творений и типов Шекспира и опровержением такого же разбора, сделанного Брандесом, автор стремится доказать, что величайший художник, вопреки утверждениям его новейших комментаторов, и в частности, Брандеса, не успокоился на пессимизме, а уверовал в разумную целесообразность мира и в добрую природу человеческой души. «Целые годы призрак случайности человеческого существования преследовал его, и целые годы великий поэт бесстрашно всматривался в ужасы жизни и постепенно уяснял себе их смысл и значение»³.

Брандес является в глазах г. Шестова типичным образчиком того «человека науки», который обесцветил жизнь и «...ни об одном жизненном явлении не может говорить, если предварительно не умертвит его». «Наука и ее двигатели уже не хотят только служить жизни, подчиняя ей внешний мир, — они ищут перекроить жизнь сообразно тому идеалу, который они нашли там, в этом внешнем мире, где многого, что есть в нашей, человеческой, жизни, нет, но где царит безмятежный покой ровного существования. Там цели нет, там смысла нет, там нет чувства восторга, там нет холода отчаяния, — всего этого нет и не нужно. Все это следует вырвать из груди человека, чтобы возвысить его “до природы”... в которой человеческих чувств, сколько не ищи, никогда не найдешь». Взгляд на Шекспира как на сторонника механистического мировоззрения имеет своего основателя в Тэне⁴, который не только сам «изгнал мораль и Бога из жизни», но и Шекспиру приписывает такое же миропонимание и, «где возможно... старательно “обосновать” это».

На самом деле «на место “случая”, который является для современного ученого коррелятивом “причины и следствия”, у Шекспира является закон нашего внутреннего мира».

Презрительное отношение к Тэну и Брандесу проходит через всю книгу г. Шестова — книгу, во всяком случае, интересную, искреннюю и литературно написанную. Но если с Тэна и Брандеса автор и не переносит своего презрения на науку вообще, то несомненно все-таки,

что различие, которое он делает между наукой и жизнью, между разумом и чувством, не отличается ни глубиной, ни новизной. Некоторые обвинения г. Шестова против науки и философии совершенно неосновательны; таково, например, старое и ложное утверждение, что «кёнигсбергский профессор Кант “мыслил” до тех пор, пока по пути... не отрубил голову Богу... Ему Бог помешал, Он стал на пути к системе, и философ с таким же спокойствием уничтожил Его, с каким создал свою “Ding an sich”. И убивши Бога, он легко и беззаботно продолжал жить, т. е. мыслить до глубокой старости».

Р. ГЕБГАРД

Гамлет*

В 1898 году вышла в свет книга датского критика Георга Брандеса «Уильям Шекспир», в которой автор задался целью посредством подробного разбора всех драм Шекспира восстановить перед нами личность поэта в возможной полноте и для каждой драмы в отдельности найти в Шекспире соответственное настроение в данный период его жизни.

В ответ на это сочинение в том же году вышла книга русского критика г. Л. Шестова, озаглавленная «Шекспир и его критик Брандес», в которой г. Шестов, возражая Брандесу, находит его взгляды и всю систему его книги несостоятельными.

Разбор и критика этих сочинений, конечно, выходит далеко за пределы журнальной статьи. Заметим лишь, что относительно Гамлета взгляды русского и датского критиков диаметрально противоположны. Брандес, отождествляя Шекспира с личностью Гамлета, уверяет нас, что устами Гамлета говорит сам Шекспир; Гамлет, по его мнению, излюбленное детище поэта. Все свои личные взгляды на жизнь, всю свою жизненную мудрость, все жгучие, мучительные вопросы жизни Шекспир выразил в этой пьесе и оповестил миру устами датского принца.

По мнению г. Шестова, это не так. Шекспир вовсе не симпатизировал и не сочувствовал Гамлету; в его глазах Гамлет не более как слабый и жалкий человек, не знающий жизни, не способный ни к чему, кроме праздного философствования. Погрузившись в книги и науку,

* Очерк г. Гебгарда, молодого русского шекспиолога, заслуживает бесспорного внимания как попытка критически отнестись ко многим ходячим представлениям об этом мировом характере. Разбор г. Гебгарда представит много интересного и для артистов, и для публики. — *Прим. ред. журнала «Театр и искусство»*